

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2023.72.33.027

Концепция доминантной идентичности в модели сохранения исторического сознания российского общества

Пичугин Виталий Григорьевич

Кандидат психологических наук,
доцент департамента психологии и развития человеческого капитала,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: left@lsn.ru

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические вопросы концепции доминантной идентичности личности в сохранении исторического сознания, поддержании социальной стабильности в обществе. Актуальность темы исследования определяется важностью исторического сознания для современной России как фактора сплочения людей на основе великого исторического прошлого, понимания процессов настоящего и формирования вектора будущего развития. Основная цель исследования – выявление роли доминантной идентичности в модели сохранения исторического сознания. В результате представлены выводы о функциях и механизмах влияния доминантной идентичности на формирование и сохранение исторического сознания.

Для цитирования в научных исследованиях

Пичугин В.Г. Концепция доминантной идентичности в модели сохранения исторического сознания российского общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 285-292. DOI: 10.34670/AR.2023.72.33.027

Ключевые слова

Сознание, история, социальный конструкт, массовое сознание, историческое сознание, идентичность, доминантность.

Введение

Историческое сознание не является статичным конструктом, оно подвержено динамичным изменениям – как посредством целенаправленного влияния, так и в связи с объективными социально-политическими, экономическими, социально-психологическими процессами, происходящими в современном обществе. Распад СССР и разрушение сложившихся общественных отношений сопровождалось сменой концепций, долгие годы формировавших и поддерживающих социальную стабильность. Историческое сознание советского общества строилось на марксистско-ленинской концепции истории, которая при всей идеологизации успешно выполняла функцию единения и сплочения общества, создавала ощущение целостности восприятия исторических событий. В последние тридцать лет историческое сознание подверглось хаотизации. На смену старому, которое было не просто деконструировано, а тотально разрушено, пришло множественное новое, противоречивое, порой фантасмагоричное, популярно-развлекательное и исторически фальшивое. На пространстве бывшего Союза был запущен процесс формирования нового самосознания и поиска идентичности на основе своей, отдельной истории, которая, как правило, была построена на нарративе древности и постоянной борьбы с «российской оккупацией». Соответственно, важными концепциями были победа над «старшим братом» и возложение вины за все экономико-политические провалы на «северного соседа». В историческое сознание российского общества внедрялось представление о русских (людях разных национальностей, проживающих на территории РФ) как об агрессивных завоевателях, которые должны идентифицировать себя по устойчивым социально-психологическим триггерам, запущенным в общественный дискурс, таким как «пакт Молотова-Риббентропа», «раздел Польши», «оккупация Прибалтики» и т.п. Соответственно, Россия как наследница и правопреемник СССР не должна иметь побед – ей остаются только исторические преступления и вина, которой должно быть наделено все общество. Отсюда – покаянные речи Коли из Уренгоя, множество псевдоисторической литературы на тему «как Сталин хотел напасть на Гитлера», статьи об отсутствии победы в ВОВ ввиду огромных потерь и т.п. Историческое сознание любого общества основано на идентификации индивидуума и признании им своей связи с историческим прошлым страны. Поэтому важно, чтобы в массовом восприятии прошлое вызывало желание быть причастным к великим свершениям и подвигам предыдущих поколений. На уровне личности самоидентификация с конструкцией историко-социального негатива невозможна в силу психологической природы человека, его стремления быть на стороне правды, справедливости, добра, что можно назвать позитивной идентичностью, сохраняющей историческое сознание от разрушения его целостности и деконструкции.

Идентичность и процесс идентификации

Человек по определению имеет множественную идентичность в социуме, что определяется его верованиями, интересами, ценностями, профессиональной деятельностью, влиянием государства и общества, ближайшего окружения. «Я» личности появляется при возможности определения границ и понимания того, где начинаются «не-я», другой, другие, какую группу можно считать своей, то есть осознанно отождествлять себя с другими на основе субъективного восприятия социальной действительности, ее интерпретации, нахождения критериев идентичности. Необходимо отметить, что самоопределение и отождествление себя с определенным полом, национальностью, верованием, идеологией далеко не всегда происходит

осознанно и самостоятельно (хотя в итоге, будучи взрослым и дееспособным, человек принимает решение сам). Например, в детстве ребенку можно внушить практически любую идентичность: и гендерную, и национальную, и религиозную. Поэтому остается открытым вопрос, насколько индивид способен различить впоследствии, что из идентичностей – его естественное, истинное (иногда это называют «найти себя»), а что – внушенное, привнесенное волей других людей, чужим мировосприятием, возможно, из лучших побуждений. Идентичность может меняться, и в процессе жизни человек может ставить вопросы изменений перед собой многократно. Это происходит как на основе собственной рефлексии и осмысления действительности, так и под социально-психологическим воздействием пропаганды, рекламы, общественного мнения и т.п. Можно предположить, что идентификация как процесс продолжается непрерывно на уровне сознания и вне сознания. З. Фрейд указывал на бессознательность процесса [Фрейд, 1991]. Однако в определенные моменты времени человек сознательно фиксирует свою идентичность, осознавая, что он принадлежит, например, к определенной нации, религии, профессии. Чем моложе индивидуум, тем чаще меняется идентичность. С возрастом консервативность в идентификации нарастает, идентичность становится стабильной или менее подверженной изменениям. Именно это позволяет старшему поколению быть носителем исторической памяти, а именно одной из двух форм коллективной памяти по Я. Ассману – «коммуникативной памяти» [Ассман, 2004]. Идентичность во многом основана на опыте, на знании о том, «как было», о реальных событиях и их личностной интерпретации (часто связанной с групповой). Если старшее поколение в восприятии молодежи «верно своим принципам», то есть имеет в этом отношении стабильную идентичность, значит, можно доверять получаемой от него информации о прошлых событиях, фактах, а также их интерпретации. Такая социальная интеракция детерминирует процесс идентификации молодого поколения, осознание принадлежности к определенной общности на основе положительной оценки переданной информации о прошлом, которым можно гордиться, к которому хочется быть причастным. Как отмечал Ж.-Ж. Руссо, социальная идентичность порождается исторической эпохой, наверное, в том числе посредством «коммуникативной памяти». По мнению Руссо, осознание своего тождества возможно через поиск себя в другом (присоединиться, раствориться, принять прошлое других людей) – это и позволяет «найти себя» [Руссо, 2008]. Однако современное общество характеризуется атомизацией и разрушением связи поколений. Из-за этого возникает проблема конструкта псевдоидентичности, о которой Э. Эриксон рассуждал как о переживании потери или отсутствия корней, что ведет к «спутанной идентичности» [Эриксон, 1996]. Процесс социализации, в ходе которого и происходит идентификация, должен приводить к истинной идентичности в противовес «псевдоидентичности», чтобы человек знал и принимал свою принадлежность, чтобы у него не было ощущения «потери корней». Ю. Хабермас полагал, что только социальное окружение позволяет человеку реализоваться как личности, идентифицируя себя на основе двух состояний: схожести (консенсуса) и различия (конфронтации) с другими [Хабермас, 2001]. Нормальная идентичность будет являться компромиссом между тем, чтобы быть как все («фантом нормальности») и не таким, как все («фантом уникальности»). Псевдоидентичность будет, вероятно, приближением к той или иной крайности. Быть как все – потерять личностное «Я», быть отличным от всех – потерять принадлежность (в терминологии Эриксона – «корни»).

Современный процесс идентификации достаточно сильно отличается от происходившего 30 лет назад. Человек легко стал идентифицироваться со своими потребностями: «я – это то, что я хочу». Появилось много популярной психологической литературы, где отстаивается главный постулат – «делать надо только то, что хочется». Все это подкрепляется культом потребления,

транслируемым в средствах массовой информации, популярных журналах, сети Интернет. Множественная и регулярная репродукция идеологии потребления в наглядных формах приводит к яркому проявлению такого социально-психологического феномена, как стереотипизация. Таким образом конструируется идентичность. Проблемой здесь является проявление личностью самости, поскольку человека посредством определенных технологий приводят к необходимой идентичности. Ситуация усугубляется развитием виртуальной реальности, в которой свобода без ответственности приводит к иллюзорной, ложной идентичности. Человек создает и перенимает черты своей второй, виртуальной личности, постепенно отождествляя себя реального с виртуальным «аватаром». Иногда теряется способность различать эти виды реальности. Тогда появляются криминальные сводки с описанием случаев массовых расстрелов или иного насилия, которые человек совершает по сюжету компьютерных игр или по правилам и указаниям деструктивных виртуальных сообществ. В этом случае можно констатировать патологическую идентичность, находящуюся на грани безумия, противоречащую социальным и правовым нормам. По факту это деидентификация, то есть отчуждение человека от общества и от себя самого, потеря истинного «я» во множестве виртуальных, где реальность иллюзорна и, «...если заглянуть в нее поглубже, лишает человека диалога, выступает только зеркалом для самолюбования» [Арнольдов, 1997].

Социализация личности, в процессе которой обретается идентичность, сопровождается «загрузкой» памяти общественного сознания. Деидентификация, или отчуждение индивидуума от общества, не позволяет воспринимать исторический опыт. В массовом сознании формируется «идентичность непричастности», которая позволяет не знать, не интересоваться, не ощущать себя связанным с историческим прошлым страны. Это никак не способствует сохранению исторического сознания в современном обществе.

Доминантная идентичность

Под доминантной идентичностью понимается результат субъективного выбора генерализированного тождества, что имеет референтное влияние на индивида в принятии решений, в поведении, в осознании окружающей действительности. Это определение отличается от понимания А.Я. Флиером «доминантных идентичностей» [Флиер, 2011], то есть приоритетных типов солидарности и идентичности в определенных исторических эпохах.

Динамическая множественная идентичность в современном обществе делает проблематичным достижение какой-либо социальной стабильности. Последствия этого – разобщенность и растерянность, выраженные в знаменитых строках средневекового поэта и мыслителя Данте Алигьери из поэмы «Божественная комедия» [Алигьери, 1982]: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу». Люди не объединены, а потеряны в обществе множественности и распыленности, когда в социальных институтах нет стабильности, а массивное информационное влияние хаотизирует процесс идентификации, лишает его смысла обретения тождества. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, в современном обществе идентичность открыта для любого внешнего воздействия. Поэтому возникает ситуация «отказа от идентичности» ради сохранения целостности личности [Бергер, Лукман, 1995]. Как противоположность «отказа от идентичности» возможно принятие доминантной идентичности, которая будет поддерживать целостность личности и включать в себя несколько непротиворечивых тождеств. Доминантная идентичность предполагает: нахождение смысла деятельности человека в конкретном социуме, то есть понимание того, зачем ему быть

причастным, принадлежать, отождествляться; ориентацию в культурно-нравственном измерении; принятие и руководство ценностями референтной группы; включение и согласование иных идентичностей с доминантной.

Например, во время ВОВ 1941–1945 гг. можно предположить, что доминантной идентичностью советского воина, которая позволяла идти на смерть и побеждать, была «защитник Родины». Этому соответствовала наглядная агитация, плакаты «Родина-Мать зовёт!». Такая идентичность поддерживалась государством и советскими гражданами. Это объединяло людей перед общей угрозой со стороны нацистской Германии. Быть защитником Родины в военное время – общенародная, главная цель, смысл деятельности всех граждан СССР: «Всё для фронта, всё для победы!». Все иные идентичности включались в доминантную и согласовывались с ней. Например, национальная (мы многонациональный народ), половая (и мужчины, и женщины в трудовом и ратном бою), профессиональная (трудовой фронт) и т.п. Такая доминантная идентичность позволяла формировать в общественном сознании единство, ощущение сопричастности к великому общему делу победы, которое много больше и важнее собственного «я». Как и «отказ от идентичности», так и «сохранение целостности личности» по Бергеру и Лукману ведут к фрагментации общественного сознания, невозможности мобилизации общества ни на ратные, ни на трудовые подвиги в тяжелые (военные) исторические периоды жизни страны. А в мирное время эти же явления поддерживают сознание общества потребления, забвение всего, что мешает потреблению здесь и сейчас. Неважным становится и историческое прошлое, в котором была другая идентичность.

Доминантная идентичность и историческое сознание общества

П. Нора в фрагменте семитомного труда «Проблематика мест памяти» [Нора, 1999] сделал вывод о коренном изменении исторического сознания благодаря средствам массовой информации и об исчезновении памяти социальных групп ввиду исчезновения самих этих групп – например, крестьянства. Автор констатировал, что историческое сознание лишилось целостности, перестали работать институты передачи социальной памяти и традиций: семья, школа, церковь, государство, идеология. Историческая память не может существовать в эпоху диалогического постмодернистского дискурса, поскольку не терпит множественности, интерпретаций. В материалах открытой лекции, прочитанной в 2010 году в Москве, содержание которой опубликовано под названием «Существует ли историческая идентичность Франции?», [Нора, 2010] П. Нора утверждал о возникновении целой философии «приспособления к духу времени», позволяющей политикам и правящим элитам решать, что в истории является истиной, и возводить в закон эти решения. Фактически – создавать социальные конструкты, формируя историческое сознание общества и подкрепляя это запретом на сомнения через законодательные решения. Поскольку процесс идентификации проходит в социальном окружении, он во многом зависит от того, какие конструкты транслирует общество подрастающему поколению, какую идентичность предлагает или навязывает. Будет ли это идентификация с великим прошлым страны, приобщение к исторической памяти («я потомок победителей») или в прошлом одни поражения, репрессии, диктаторские режимы и т.п. Массовое сознание стремится к поляризации, к разделению на правильное и неправильное, на своих и чужих, без оттенков и полутонов, подобно тому, как Дж. Келли описывает конструкты в психологии личности, которые представляют собой индивидуальные биполярные значения («хороший – злой»), посредством чего происходит оценка происходящего [Келли, 2000]. Конструкты исторического

сознания не являются историческим исследованием со всеми тонкостями научной методологии. Они формулируются в двух-трех словах, несут мощную эмоциональную окраску и четко разделяют на «наших» и «не наших». То есть дают однозначную рекомендацию о том, к кому присоединяться (или с чем отождествляться) правильно и необходимо, а что является ложным, агрессивным, безнравственным, «не нашим». По мнению Х.-Ю. Панделя, в измерения, отражающие общественность, включается «сознание идентичности» [Pandel, 1991], которое по сути является процессом конструирования. Стоит добавить, что это двустороннее движение: человек конструирует свою идентичность в конкретном социуме с определёнными характеристиками, и этот социум, в свою очередь, влияет на процесс. Доминантная идентичность – сложное образование, возникающее под влиянием как личностных, так и социальных факторов. Согласно Ж. Бодрийяру, социальная реальность симулятивна, а образ реальности имеет не меньшее значение, чем она сама. Продуцирование образов происходит как индивидуально, так и на уровне «разделяемой реальности», посредством которой формируется устойчивое образование – общественное сознание. Субъект, производящий смысл, зависит от множества внешних и внутренних факторов: это желания, предпочтения, нормы, правила, культурные коды, которыми живёт социум. Историческое сознание выполняет свою функцию стабилизации социальной жизни, если доминантная идентичность большинства людей основана на «разделяемой в обществе реальности», включает ценностное отношение к прошлому, нахождение в нем примеров для гордости за то, что сделано предыдущими поколениями. С другой стороны, доминантная идентичность, основанная на отказе от прошлого страны или «утрате корней» (по Э. Эриксону), вызывает фрагментацию исторического сознания общества, привносит в социум нестабильность, провоцирует разрушительные «войны памяти», внедряет в сознание людей мысли об отсутствии будущего у страны, у которой нет достойного прошлого. Историческое сознание, основанное на доминантной идентичности, успешно выполняет основную функцию обособления «общности людей» и возложения на нее великой всемирно-исторической миссии. Если все прошлое определенного социума состоит из преодоления зла, отстаивания идей свободы, справедливости, то это хороший фундамент для объединения в настоящем, задающий вектор развития в будущем. Содержательное направление такого объединения и его практическое воплощение может быть абсолютно различным: демократичным, тоталитарным, позитивным, деструктивным, и т.п. Доминантная идентичность как механизм сохранения исторического сознания и сплочения общества может быть эффективной, но сама по себе она не определяет направление развития страны – это является прерогативой социально-политической конструкции и состояния экономики в государстве.

Заключение

Доминантная идентичность является эффективным механизмом сохранения исторического сознания и поддержания социальной стабильности в обществе. Одновременно с этим такая идентичность должна основываться на индивидуальных и общественных ценностях, которые приняты в социуме и исходят из позитивного исторического опыта. В противном случае идентичность не будет иметь культурно-нравственного измерения. Доминантность подразумевает иерархию. То есть иные идентичности должны быть как минимум не в оппозиции к доминантной, а как максимум – гармонично сочетаться, включаться в нее. На основании такого тождества возникает ощущение причастности к истории страны и ее многонационального народа. Оно становится важным фактором референтного социально-

психологического влияния на индивида и является основным мотивом при принятии им решений, организации его поведения, осознании им окружающей действительности. При появлении доминантной идентичности происходит то, что П. Бергер и Т. Лукман называли «установлением типизации», в рамках которого возникает общепринятое взаимодействие. Поэтому социальную структуру можно определить как «сумму типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия» [Бергер, Лукман, 1995, 25]. Если доминантная идентичность поддерживается в обществе, то «образцы взаимодействия» будут устойчиво передаваться из поколения в поколение, сохраняя историческую память в социуме.

Теоретические вопросы концепции доминантной идентичности и ее значения для сохранения исторического сознания общества требуют дальнейшего пристального изучения ввиду своей актуальности. Это подтверждается множеством социально-политических и экономических вызовов современности. Важны аксиологические аспекты формирования доминантной идентичности, вопросы допустимости и ограничения влияния государства и средств массовой информации на процесс идентификации личности в обществе, а также противодействия деструктивным и опасным тенденциям в выборе идентичности современной молодёжью.

Библиография

1. Алигьери Д. Божественная комедия. М.: Правда, 1982. 640 с.
2. Арнольд А.И. Цивилизация грядущего столетия (культурологические размышления). М.: Грааль, 1997. 326 с.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 322 с.
5. Келли Дж. Теория личности: психология личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 428 с.
6. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 17-50.
7. Нора П. Расстройство исторической идентичности // Мир истории. 2010. № 1.
8. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. М.: Академический проект, 2008. 534 с.
9. Флиер А.Я. Феномен культурологии: опыт новой интерпретации // Обсерватория культуры. 2011. № 2. С. 4-19.
10. Фрейд З. Толкование сновидений. Киев: Здоровье, 1991. 351 с.
11. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
12. Эриксон Э.Г. Детство и общество. СПб.: Ленато: АСТ: Университетская книга, 1996. 394 с.
13. Pandel H.-J. Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen // Geschichtsbewusstsein empirisch / Bodo von Borries (Hrsg.). Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1991. P. 3-15.

The concept of dominant identity in the model of preserving the historical consciousness of Russian society

Vitalii G. Pichugin

PhD in Psychology,
Associate Professor of the Department of HR Management and Psychology,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: left@lsn.ru

Abstract

The article discusses the theoretical issues of the concept of the dominant identity of the individual concerning the preservation of historical consciousness and maintaining social stability in society. The relevance of the research topic is determined by the importance of historical consciousness for modern Russia as a factor in uniting people on the basis of the great historical past, understanding the processes of the present and forming the vector of future development. The main purpose of the study is to identify the role of dominant identity in the model of preservation of historical consciousness. As a result, conclusions are presented about the functions and mechanisms of influence of the dominant identity on the formation and preservation of historical consciousness.

For citation

Pichugin V.G. (2023) Kontsepsiya dominantnoi identichnosti v modeli sokhraneniya istoricheskogo soznaniya rossiiskogo obshchestva [The concept of dominant identity in the model of preserving the historical consciousness of Russian society]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (1A), pp. 285-292. DOI: 10.34670/AR.2023.72.33.027

Keywords

Consciousness, history, social construct, mass consciousness, historical consciousness, identity, dominance.

References

1. Alig'eri D. (1982) *Bozhestvennaya komediya* [Divine Comedy]. Moscow: Pravda Publ.
2. Arnol'dov A.I. (1997) *Tsivilizatsiya gryadushchego stoletiya (kul'turologicheskie razmyshleniya)* [Civilization of the coming century (culturological reflections)]. Moscow: Graal' Publ.
3. Assman Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.
4. Berger P., Lukman T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium Publ.
5. Erikson E.G. (1996) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society]. Saint Petersburg: Lenato: AST: Universitetskaya kniga Publ.
6. Flier A.Ya. (2011) Fenomen kul'turologii: opyt novoi interpretatsii [Phenomenon of Culturology: Experience of a New Interpretation]. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2, pp. 4-19.
7. Freid Z. (1991) *Tolkovanie snovidenii* [Interpretation of dreams]. Kiev: Zdorov'e Publ.
8. Kelli Dzh. (2000) *Teoriya lichnosti: psikhologiya lichnostnykh konstruktov* [Personality theory: psychology of personal constructs]. Saint Petersburg: Rech' Publ.
9. Khabermas Yu. (2001) *Vovlechenie drugogo: ocherki politicheskoi teorii* [Inclusion of the Other: Studies in Political Theory]. Saint Petersburg: Nauka Publ.
10. Nora P. (1999) Problematika mest pamyati [Problems of places of memory]. *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, pp. 17-50.
11. Nora P. (2010) Rasstroistvo istoricheskoi identichnosti [Disorder of historical identity]. *Mir istorii* [World of history], 1.
12. Pandel H.-J. (1991) Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen. *Geschichtsbewusstsein empirisch* / Bodo von Borries (Hrsg.). Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., pp. 3-15.
13. Russo Zh.-Zh. (2008) *Rassuzhdenie o proiskhozhdenii i osnovaniyakh neravenstva mezhdru lyud'mi* [Discourse on the Origin and Basis of Inequality Among Men]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.